

ПЕРЕВОД МЕТАФОР КАК СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

© Алена Иванова

TRANSLATION OF METAPHOR INTO RUSSIAN AND ENGLISH AS A MEANS OF CREATING PRAGMATIC MEANING IN CHUVASH POETRY

Alena Ivanova

The article examines the problem of transferring the pragmatic potential of metaphor when translating a poetic text from the Chuvash language into Russian and English. It considers the issues of the correlation between the text pragmatics and translation pragmatics, as well as the role of metaphor as a key means of realizing the author's idea and conveying ethno-cultural identity. Metaphorical units, representing the value dominants of the Chuvash culture in L. Filippova's poem "Tracing Sespel's Life" and their translations into Russian and English, are subject to a comprehensive comparative analysis. The research examines ways to reproduce the pragmatic meaning of metaphors, including loan translation, concretization, generalization, and lexical additions. The findings show that the Russian translation is focused on preserving the content-related aspect of pragmatics and emotional impact within the framework of a close cultural tradition. The English translation is based on the principles of deep pragmatic adaptation. The pragmatic adequacy of metaphor translation is determined by the cultural distance between languages, while the choice of translation strategy depends on the personality of the translator and his/her goals. The study demonstrates that metaphor translation in Chuvash poetry requires balancing the precision of the image with its accessibility to the target audience. The research opens up prospects for further comparative studies on the translation of national literatures.

Keywords: translations from Chuvash, metaphor, pragmatic meaning, comparative analysis, translation pragmatics

В статье исследуется проблема передачи прагматического потенциала метафоры при переводе поэтического текста с чувашского языка на русский и английский языки. Рассматриваются вопросы соотношения прагматики оригинала и перевода, а также роль метафоры как ключевого средства реализации авторского замысла и трансляции этнокультурной идентичности. Комплексному сравнительно-сопоставительному анализу подвергаются метафорические единицы, которые репрезентируют ценностные доминанты чувашской культуры в поэме Л. Филипповой «По следам Сеспеля», и их переводы на русский и английский языки. В фокусе внимания находятся способы воспроизведения прагматического значения метафор при переводе, включающие калькирование, конкретизацию, генерализацию, лексическое добавление. Выявлено, что русский перевод ориентирован на сохранение содержательной стороны прагматики в рамках близкой культурной традиции. Англоязычный перевод строится на принципах глубокой прагматической адаптации. Прагматическая адекватность перевода метафор обусловлена культурной дистанцией между языками, а выбор стратегии перевода определяется личностью переводчика и его целевыми установками. Исследование демонстрирует, что воспроизведение метафор при переводе чувашской поэзии требует баланса между точностью передачи образа и его доступностью для иноязычного читателя. Работа открывает перспективы для дальнейших сопоставительных исследований перевода национальных литератур.

Ключевые слова: перевод с чувашского языка, метафора, прагматическое значение, сравнительно-сопоставительный анализ, прагматика перевода

Для цитирования: Иванова А. Перевод метафор как средств реализации прагматического значения в чувашской поэзии на русский и английский языки // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 2 (84). С. 51–57. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-84-2-51-57

В условиях нивелирования национальных различий и доминирования массовой культуры особую значимость приобретает задача сохранения и трансляции культурной идентичности малых народов. Чувашская литература представляет собой материал, требующий осмысления в контексте того, как этническая специфика может быть донесена до иноязычного читателя. При всей содержательной насыщенности чувашской литературы, вопросы сопоставительного анализа переводов ее произведений на русский и европейские языки остаются малоизученными. Настоящее исследование восполняет этот пробел, предлагая инструментарий для анализа передачи метафорической системы, что определяет актуальность настоящей работы.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем выявляются способы передачи чувашских метафорических единиц при переводе на неродственные языки (русский и английский) с применением методов описания, стилистического и сравнительно-сопоставительного анализов.

Цель данного исследования – анализ особенностей воспроизведения метафор как средств создания прагматического значения при переводе с чувашского языка на русский и английский языки.

Материалом настоящего исследования послужили насыщенные метафорами фрагменты чувашской поэмы члена союза писателей России (2003) Л. Филипповой «По следам Сеспея» и их переводы на русский (переводчик Л. Петрова) и английский (переводчик Н. Колесникова) языки, тематически сфокусированные вокруг исторической судьбы чувашского этноса.

Русскоязычный перевод чувашских и английских примеров выполнен автором статьи.

Перед непосредственным обращением к предмету данного исследования – переводу метафор, служащих средством создания прагматического значения, с чувашского языка на русский и английский языки – целесообразно рассмотреть ряд общих теоретических аспектов, связанных с прагматикой текста и перевода.

Любой текст обладает коммуникативной природой, выступая в качестве носителя информации. Восприятие и осмысление полученных данных реципиентом сопровождается формированием у него определенного отношения к содержанию текста. Данное отношение может носить как сугубо интеллектуальный (фиксация отстраненных фактов), так и более глубокий эмоционально-поведенческий характер, побуждая к переживаниям или действиям. В. Н. Комиссаров определяет способность текста оказывать такое

воздействие на получателя, вызывая у него соответствующие прагматические установки, как прагматический аспект или прагматику текста [1, с. 209].

Прагматика текста включает в себя не план содержания в его узком смысле, а отношение автора к своему сообщению и то, как он воздействует на адресата, применяя языковые средства, которые несут не только фактическую, но и субъектно-оценочную, стилистическую нагрузку [2, с. 67]. Следовательно, прагматика текста представляет собой «информацию об интенциях, намерениях автора текста» [3, с. 273] и является неотъемлемым компонентом любого коммуникативного акта. Это в полной мере относится и к межъязыковой коммуникации, где перед переводчиком стоит сложная задача выбора языковых средств, способных сформировать у читателей необходимое прагматическое отношение к тексту перевода.

Необходимость сохранения прагматического потенциала оригинала и обеспечения желаемого воздействия на реципиента перевода определяет стратегию переводчика и конечный результат его деятельности. В академическом дискурсе данная проблематика составляет предмет прагматики перевода [1, с. 210].

Реализация цели достижения определенного коммуникативного эффекта нередко требует особых действий со стороны переводчика. Для обеспечения адекватного восприятия переведенного текста иноязычным читателем переводчик может быть вынужден эксплицировать имплицитные элементы исходного текста, которые были очевидны для носителя исходного языка и культуры, но остаются непонятными для новой читательской аудитории, что делает необходимой прагматическую адаптацию текста.

По мнению А. Д. Швейцера, прагматическая адаптация представляет собой процесс корректировки текста в переводе, направленный на преодоление различий в социально-культурном, психологическом и ином опыте получателей оригинала и переводного текста [4, с. 242]. Ее суть сводится к изменению текста переводчиком для обеспечения нужной реакции аудитории. Это достигается путем добавления, опущения или замены информации, которая может быть непонятна или неактуальна для получателя [5, с. 208]. Этот процесс носит динамический характер: руководствуясь целевой установкой, переводчик осуществляет сознательный выбор переводческих стратегий, обеспечивающих соответствие конкретным условиям коммуникативной среды и характеристикам реципиентов [6, с. 118].

Особое значение и сложность прагматический аспект приобретает при переводе художественных текстов. Как подчеркивает В. А. Разумовская, переводчику необходимо воспроизвести заложенный в тексте прагматический эффект. Речь идет не просто о передаче информации, а о воссоздании эстетического комплекса, лежащего в основе художественной образности [7, с. 27]. Именно сохранение эквивалентности эстетического воздействия подлинника и переводного текста является ключевым параметром при оценке качества художественного перевода [8, с. 22].

Однако в рамках межъязыковой коммуникации выделяется особый класс прагматических проблем, обусловленных наличием у переводчика дополнительных целевых установок по отношению к получателю перевода. Данные установки детерминируются экстралингвистическими факторами: стремлением переводчика оказать определенное воздействие на реципиента, его личным отношением к идеям автора и его стилю, а также избирательной заинтересованностью в отдельных элементах содержания. В подобном случае переводчик может сознательно отступить от принципа максимальной эквивалентности, ограничиваясь частичной или селективной передачей содержания, и ориентироваться на коммуникативный эффект, который может не совпадать с интенциями и прагматическим потенциалом оригинала [1, с. 222].

Следовательно, необходимо учитывать субъективный фактор в переводческой деятельности. Особенно ярко он проявляется в сфере художественного перевода как на этапах интерпретации исходного текста, так и создания текста на языке перевода. Личностные параметры переводчика включают его приверженность определенной культурной и литературной традиции, творческую позицию, обусловленность историческим контекстом, а также конкретную целевую установку.

В связи с этим важно отметить, что характер соотношения прагматических потенциалов исходного текста и текста перевода может варьироваться. Прагматическая адекватность перевода не сводится к обязательному сохранению прагматики оригинала и при переводе художественных произведений достижима лишь с определенными ограничениями [9, с. 137].

Особое значение прагматика приобретает при переводе художественных текстов. В качестве одного из проявлений прагматических свойств языка можно рассматривать его стилистические характеристики [10, с. 4], в число которых входит и метафора, которая является ключевым инструментом создания и усиления прагматическо-

го потенциала текста. Развивая это положение, исследователи подчеркивают, что метафора выступает основным носителем прагматического значения в поэтическом тексте, аккумулируя его эмоциональные, экспрессивные и стилистические оттенки. Именно через свои подвиды метафора реализует функцию эстетического и эмоционального воздействия на читателя [11, с. 44].

Таким образом, поскольку метафора является важным средством реализации прагматического потенциала, а переводческая деятельность неизбежно сопряжена с его адаптацией к новой языковой и культурной среде, представляется необходимым предпринять попытку исследования, как эта общая закономерность проявляется при переводе с чувашского языка на русский и английский языки. Обратимся к анализу фрагмента из поэмы Л. Филипповой «По следам Сеспеля»:

Џён Кун Аки! Малаш калчи / Шӓтса хӓпарнӓ харӓс,

Џав сулӓмна чӓваш каччин / Хӓмленнӓ хӓрлӓ парӓс [12, с. 13].

В анализируемом отрывке чувашского оригинала пространство личного переживания проецируется на уровень национальной и исторической судьбы. Метафора *малаш калчи* (всходы будущего) репрезентирует новое поколение, идеи и грядущие перемены. Следующая метафора – *хӓрлӓ парӓс* (алый парус) – выступает аллегорией красного знамени революционных преобразований. Важным компонентом является динамическая связь между ними: *парӓс хӓмленнӓ* (парус загорелся) благодаря энергии *џав сулӓмна* (от того импульса), исходящей от *малаш калчи* (всходы будущего). Таким образом, личный порыв *чӓваш каччин* (чувашский парень) в системе метафор оригинала трансформируется в коллективный символ.

При передаче данного метафорического комплекса на русский язык происходит усиление социально-революционного пафоса:

Чтоб всходы дружные взошли / И стала жизнь иною.

Ты видел будущность земли, / Стяг красный над странюю [Там же, с. 25].

Метафора *хӓрлӓ парӓс* (алый парус) подвергается конкретизации и идеологической замене: она замещается на однозначный символ советской эпохи *стяг красный*, что усиливает революционный пафос. При этом утрачиваются динамические компоненты метафоры *сулӓм* (импульс) и *хӓмленнӓ* (загорелся), а связь символа с *чӓваш каччи* (чувашский парень), в переводе репрезентированного местоимением *ты*, замещается метафорой *будущность земли*, что является примером генерализации образа.

Перевод на английский язык демонстрирует стратегию полного перекодирования метафорической системы:

And MishshA like a scarlet sail / Rushing forward above the surge

As an unknown new-born gale / Took the power the ship to urge [Там же, с. 36].

Переводчик отказывается от прямой передачи идеологических символов, применяя контекстуальную замену и целостное преобразование. Метафора *малаш калчи (всходы будущего)* и заложенная в ней динамика преобразуются в природный образ *an unknown new-born gale (неизвестная новорожденная буря)*, сохраняющий идею стихийной новой силы. Центральным приемом становится сравнение-отождествление *MishshA, like a scarlet sail (Мишша, как алый парус)*. Поэт, представленный этнолингвистически точной формой имени, напрямую вводится в метафору. Важно отметить, что образ паруса воспроизводится в тексте путем полного калькирования с применением узуального вариантного соответствия (*scarlet* вместо *red*). Данная трансформация смещает акцент с коллективного знамени на индивидуальный образ лидера, мчащегося вперед (*rushing forward*) и берущего на себя ответственность (*took the power*).

Иной метафорический комплекс обнаруживается при анализе следующего чувашского четверостишия:

Иш ярӑнса, капмар каран, / Умра – сӗн тинӗс хумӗ.

Сӗрен кӗперлӗ услӑхра / Паян чӑвашӑн сумӗ! [Там же, с. 13].

Ядром модели мира данного отрывка является метафора-метонимия *капмар каран (огромный корабль)*, репрезентирующая чувашский народ. Вектор движения задан метафорой *сӗн тинӗс (новое море)*, обозначающей новую эпоху, а конечным пунктом выступает синтезированная метафора *сӗрен кӗперлӗ услӑх (радужный космос)*, объединяющая научное устремление и сказочно-поэтический идеал. Результатом этого пути становится не материальное благо, а обретение *сум (почет)*, выраженное в конструкции *чӑвашӑн сумӗ (чуваши в почете)*.

В русском переводе метафора корабля сохраняется при помощи калькирования и усиливается добавлением атрибута *наш*, что подчеркивает коллективное начало:

Корабль величественный наш, / Плыви к открытьям новым.

Достигнет космоса чуваши, / Неся живое слово [Там же, с. 25].

Путь конкретизируется через метафорическую замену *сӗн тинӗс (новое море)* на *к от-*

крытьям новым, сохраняющую вектор обновления. Метафора *сӗрен кӗперлӗ услӑх (радужный космос)* подвергается генерализации и редукции: цветовой эпитет опускается, сохраняется лишь ядерный компонент *космос*, что ведет к утрате поэтической многомерности в пользу ясной идеологической цели. Исходная метафора *чӑвашӑн сумӗ (чуваши в почете)* передается через контекстуальную замену: абстрактное понятие *сум (почет)* замещается на метафору культурной миссии *живое слово*. Таким образом, акцент смещается со статуса, который народ обретает, на культурный вклад, который он вносит.

В переводе на английский язык ключевая метафора-метонимия *народ-корабль* подвергается полной деметафоризации:

It's the new world – where they all strive / In spite of obstacles on their drive.

Sespele, the son of the Chuvash, / Must give the folk a new rush [Там же, с. 36].

Вместо единого судна возникает абстрактная общность *they (они)* и *folk (народ)*, что является примером генерализации и утраты исходного образа. Метафора *сӗн тинӗс (новое море)* передается через клишированное выражение *new world (новый мир)* – идеологическая замена, характерная для переводов на английский язык. Центр тяжести переносится с коллективного движения на индивидуальную роль поэта, представленную в двух ипостасях: через метонимию кровного родства, утверждающую его как выразителя воли народа: *Sespele, the son of the Chuvash (Сеспель, сын чувашей)* и метафору поэта как источника духовного импульса и социальной энергии *must give the folk a new rush (должен дать народу новый импульс)*, что представляет собой целостное преобразование исходной идеи обретения *сум (почет)*. Вся сложная пространственная метафорика оригинала сводится к концепции преодоления препятствий и обязанности поэта-лидера дать народу новый творческий заряд.

Обратимся к анализу следующего чувашского четверостишия, в котором авторский посыл выражен через ряд концептуальных метафор, составляющих целостную логическую модель:

Пӗччен е иккӗн – сӑмӑл мар, / Сулра хастар йиш кирлӗ.

Шӑп савӑнта – тӗп пархатар, / Халӑх сӑмахӗ – вирлӗ [Там же, с. 14].

Абстрактное понятие общего дела воплощено в конкретной пространственной метафоре *сулра (в дороге)*, а конструкция *сӑмӑл мар (нелегко)* задает динамическую и трудную перспективу движения. Участники движения определены через метафору нравственной доблести *хастар йиш (храбрые люди)*. Итоговая цель выражена мета-

форой высшей ценности *тён пархатар* (высшее благо). Кульминацией выступает метафора коллективной воли *халӑх сӑмахӗ* (слово народа), обобщающая идею общего решения, чья сила обретает предметную конкретность благодаря лексеме *вирлӗ* (крепкий).

В русском переводе ключевая пространственная метафора *сулра* (в дороге) полностью устранена с помощью опущения:

Известно с древних нам времен, – / В единстве, в братстве сила.

С народом мощью наделен, / Один в борьбе бессилён [Там же, с. 25].

Компенсаторно переводчик вводит вневременную констатацию *известно с давних нам времен*. Конкретная метафора *хастар йыш* (храбрые люди) трансформируется до абстрактных идеалов *единства* и *братства*. Подразумеваемый в оригинале контраст между одиночкой и коллективом превращается в явную антитезу *с народом – один в борьбе*, что достигается путем грамматической трансформации и лексических добавлений *бессилён, наделен*. Наиболее существенные потери связаны с метафорами *тён пархатар* (высшее благо) и *халӑх сӑмахӗ* (слово народа), которые полностью опущены.

Английский перевод демонстрирует стратегию адаптации к ценностям западного мира:

For all his wish, without a team, / One man, and even two, how could

Create a new world? People of one dream / United in a team – they would! [Там же, с. 36].

Метафора пути трансформируется посредством смыслового развития, замещая движение его результатом *create a new world* (создать новый мир), что является примером конкретизации. Метафора *хастар йыш* (храбрые люди) адаптируется через понятия кооперации и общности видения *team* (команда) и *people of one dream* (люди одной мечты), характерные для англоязычного дискурса. Контраст между одиночкой и коллективом сохранен *one man, and even two* (один человек и даже двое) и усилен через риторический вопрос *how could* (как могли бы?). При этом метафора *халӑх сӑмахӗ* (слово народа) подвергается функциональной замене: она замещается фактом объединения *united in a team* (объединенные в команду), а метафора *тён пархатар* (высшее благо) элиминируется, уступая место утилитарной цели – построению нового мира.

Дальнейшее обращение к тексту оригинала позволяет выявить еще одну метафорическую модель:

Поэзин анӑ хирӗнче / Хӑпарӗ пирӗн тухӑс.

Яшраххисен кӗлӗмӗнчен / Маттуррисем те тухӑс [Там же, с. 14].

В этом фрагменте чувашский текст выстраивает целостную метафору порождения, реализующуюся через четыре ключевых компонента. Метафора *поэзин хирӗнче* (на ниве поэзии) задает творческое пространство действия, характеризующееся эпитетом *анӑ*, что подчеркивает безграничный потенциал. Метафора *хӑпарӗ пирӗн тухӑс* (начнется наш восход) проецирует идею появления нового поколения на образ восходящего солнца. Метафора *яшраххисен кӗлӗ* (озеро молодых) концептуализирует молодость как неиссякаемый водоем. Метафора *маттуррисем те тухӑс* (таланты выйдут) завершает цепь, представляя итог как персонифицированные *маттуррисем* (таланты), буквально *выходящие на свет*.

Русскоязычный переводчик перекодирует данную метафорическую систему:

Даст новый щедрый урожай / Писательская нива.

Взрастит родной Чувашский край / Таланты всем на диво [Там же, с. 25].

Метафора *поэзин хирӗ* (нива поэзии) передается при помощи модуляции как *писательская нива*. Ее развитие и конкретизация происходят через введение аграрной метафоры *даст новый щедрый урожай*. Метафора *яшраххисен кӗлӗ* (озеро молодых) преобразуется при помощи генерализации в *родной Чувашский край*, что усиливает национально-патриотическую окраску. Исходная метафора *маттуррисем* (таланты) воспроизводится через калькирование и гиперболизируется через оценочную характеристику *всем на диво*, представляющую собой лексическое добавление экспрессивного характера. Глагол *взрастит* продолжает сельскохозяйственный код перевода, являясь контекстуальной заменой исходного *тухӑс* (выйдут).

В англоязычном переводе вся метафорическая система оригинала подвергается глубокой трансформации:

Life-giving source began to flow / For promissive and brittle seedlings

In mighty trees, in eagles can grow / As great talents can flap their wings [Там же, с. 36].

Метафора *поэзин хирӗ* (нива поэзии) абстрагирована до источника жизни, выраженного метафорой *life-giving source* (животворный источник). Переводчик конструирует собственную целостную метафорическую модель роста: *seedlings* (ростки) – *mighty trees* (могучие деревья) – *eagles* (орлы), где метафоры *trees* (деревья) и *eagles* (орлы) представляют две ипостаси зрелого таланта. Концепт молодости, заданный в оригинале лексемой *яшраххисем* (молодые), получает воплощение через добавление эпитетов

promissive and brittle (многообещающие и хрупкие), что привносит семантику уязвимости. Метафора *flap their wings* (расправить крылья), отсутствующая в оригинале, завершает аллегория орла, вводя идею полноценной творческой реализации через образ полета. Переводчик создает автономную, развернутую метафору, адаптированную для англоязычного читателя, но сохраняющую общую идею органического роста и развития таланта.

Завершая анализ метафорических моделей, рассмотрим финальный фрагмент поэмы, в котором формулируется главный завет М. Сеспеля: важность сохранения чувашского языка и этноса:

Ан тив, тин халӑх хушинче / Чӑваш сасси те пултӑр!

Вӑл пуррине ҫавра тӗнче / Хӑйне телейлӗн туйтӑр! [Там же, с. 17].

В чувашском оригинале императив *ан тив* (*не трогай*) носит характер не просьбы, а акта символической защиты. Абстрактное право на существование воплощено в метафоре *чӑваш сасси* (*чувашский голос*), где *сасӑ* (*голос*) является синекдохой-метафорой, замещающей язык и нацию в целом. Утверждение строится на причинно-следственной конструкции: наличие этого голоса – *вӑл пуррине* (*оттого, что он есть*) – является условием для счастья олицетворенной Земли, выраженного в метафоре *ҫавра тӗнче хӑйне телейлӗн туйтӑр* (*круглая Земля пусть почувствует себя счастливой*). Данная метафора возводит существование конкретного народа в ранг онтологической необходимости, неотъемлемого условия гармонии всего мира.

Русскоязычный переводчик отказывается от императивной логики оригинала:

Певуч, как сотни ручейков, / И мудр язык чувашей.

Звучит мелодией веков / В стране прекрасной нашей [Там же, с. 29].

В переводе императив защиты полностью опущен. Вместо него переводчик избирает стратегию поэтического восхваления, вводя сравнительную метафору *певуч, как сотни ручейков* и добавляя оценочную характеристику *мудр язык чувашей*. Метафора *чӑваш сасси* (*чувашский голос*) сужена до *языка чувашей*, что конкретизирует исходный образ. Переводчик акцентирует историческую преемственность, заменяя онтологическую перспективу метафорой *звучит мелодией веков*. Причинно-следственная связь между существованием народа и гармонией мира утрачена.

Английский текст переводит дискурс из плоскости отстаивания границ в плоскость общечеловеческого братства при помощи концептуальной замены, замещая императив защиты

лозунгом-метафорой *we are the Family* (*мы Семья*):

We are the Family! A dove, / Bird of peace, is floating above!

Among the vociferous chorus / Sespel's proud wonderful voice there is! [Там же, с. 40].

Для передачи идеи мирового контекста и гармонии переводчик вводит общепонятный, но чуждый оригиналу метафорический образ *a dove, bird of peace* (*голубь, птица мира*). Ключевая метафора *чӑваш сасси* подвергается персонализации *Sespel's proud wonderful voice* (*гордый чудесный голос Сеспеля*), что смещает акцент с коллективного права на существование, на индивидуальное достижение. Метафора *the vociferous chorus* (*многоголосый хор*) передает образ множества народов, перекликаясь с исходной конструкцией *тин халӑх* (*тысяча народов*). Однако причинно-следственная связь между существованием чувашского голоса и счастьем Земли, составляющая смысловой центр оригинала, не воспроизведена.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ переводов выявил принципиально различные подходы к передаче прагматического потенциала метафор, что обусловлено как типологическими особенностями языков, так и субъективными целевыми установками переводчиков. Русский перевод Л. Петровой ориентирован на сохранение содержательной стороны прагматики оригинала в рамках близкой культурной традиции. Переводчик прибегает к калькированию, конкретизации, замене, генерализации, опущению и лексическим добавлениям. Английский перевод Н. Колесниковой демонстрирует стратегию прагматической адаптации, подчиненную задаче интеграции чувашской поэзии в мировой культурный контекст. Основные приемы включают замену, лексические добавления, опущение, целостное преобразование.

Следовательно, передача прагматического значения метафор при переводе чувашской поэзии представляет собой процесс творческого переосмысления. При этом сохранение этнокультурной идентичности требует от переводчика поиска баланса между адаптацией к принимающей культуре и верностью прагматическому замыслу оригинала.

Список источников

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2019. 253 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
4. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика (газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
5. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода (коммуникативно-функциональный подход). М.: Изд-во ВКН, 2019. 512 с.
6. Пэй Ш., Гумин Х. Исследование китайского перевода романа «Анна Каренина» с точки зрения адаптации культурного контекста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 115–25.
7. Разумовская В. А. Художественный образ как единица перевода: булгаковская Маргарита // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335) С. 25–31.
8. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
10. Гурина Е. П. К вопросу о прагматике перевода // Гуманитарный вестник (электронный журнал). 2015. № 10. URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/edu/phil/302.html> (дата обращения: 02.02.2026)
11. Алексеева М. Г., Фролова В. А. Образность в национально-культурной картине чувашского этноса (на материале поэмы К. Иванова «Нарспи») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 4. С. 43–51.
12. Филиппова Л. И. По следам Сеспеля (поэма на пяти языках). Чебоксары: ООО «РИБ „Плакат”», 2025. 96 с.
4. Shveitser, A. D. (1973). *Perevod i lingvistika (gazetno-informatsionnyi i voenno-publicisticheskii perevod)* [Translation and Linguistics (Journalistic and Military-Publicist Translation)]. 280 p. Moscow, Voenizdat. (In Russian)
5. Sdobnikov, V. V., Kalinin, K. E., Petrova, O. V. (2019). *Teoriya perevoda (kommunikativno-funktional'nyi podkhod)* [Theory of Translation (Communicative and Functional Approach)]. 512 p. Moscow, Izd-vo VKN. (In Russian)
6. Pei, Sh., Gumin, Kh. (2021). *Issledovanie kitaiskogo perevoda romana "Anna Karenina" s tochki zreniya adaptatsii kul'turnogo konteksta* [A Study of the Chinese Translation of "Anna Karenina" from the Perspective of Cultural Context Adaptation]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika. No. 5, pp. 115–25. (In Russian)
7. Razumovskaya, V. A. (2014). *Khudozhestvennyi obraz kak edinita perevoda: bulgakovskaya Margarita* [Literary Image as a Unit of Translation: Bulgakov's Margarita]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 6 (335), pp. 25–31. (In Russian)
8. Solodub, Yu. P., Albreht, F. B., Kuznetsov, A. Yu. (2005). *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and Practice of Literary Translation]. 304 p. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)
9. Komissarov, V. N. (2011). *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. 408 p. Moscow, R. Valent. (In Russian)
10. Gurina, E. P. (2015). *K voprosu o pragmatike perevoda* [On the Issue of Pragmatics in Translation]. No. 10. Gumanitarnyi vestnik (elektronnyi zhurnal). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/edu/phil/302.html> (accessed: 02.02.2026). (In Russian)
11. Alekseeva, M. G., Frolova, V. A. (2025). *Obraznost v natsional'no-kul'turnoi kartine chuvashskogo etnosa (na materiale poemy K. Ivanova "Narspi")* [Imagery in the National and Cultural Picture of the Chuvash Ethnic Group (Based on the Poem "Narspi" by K. Ivanov)]. Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. No. 4, pp. 43–51. (In Russian)
12. Filippova, L. I. (2025). *Po sledam Sespelya (poema na pyati yazykakh)* [Tracing Sespel's Life (A Poem in Five Languages)]. 96 p. Cheboksary, OOO RIB "Plakat". (In Russian)

References

The article was submitted on 28.04.2026
Поступила в редакцию 28.04.2026

Иванова Алена Ивановна,
кандидат экономических наук,
доцент,
Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова,
428015, Россия, Чебоксары,
Московский проспект, 15.
translation2005@mail.ru

Ivanova Alena Ivanovna,
Ph.D. in Economics,
Associate Professor,
Ulyanov Chuvash State University,
15 Moskovskiy Prospect,
Cheboksary, 428015, Russian Federation.
translation2005@mail.ru